

МОТИВ ВРАЧЕВАНИЯ БОЛЕЗНИ И ЕГО ВИЗУАЛИЗАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ «ИСТОРИИ АРМЕНИИ» АГАТАНГЕЛОСА

Т. С. Симян

Ереванский государственный университет, Армения
tsimyan@ysu.am

В статье детально рассматриваются мотивы болезни и врачевания на основе «Истории Армении» Агатангелоса. Этот текст является продуктом христианской социальной памяти, а его переводы на разные языки (сирийский, греческий) указывают на его транснациональный характер. В ходе описания названных мотивов анализируются их визуализации в армянских средневековых рукописях, миниатюрах и в живописи. Описания болезни и врачевания армянского царя Трдата III и аристократии стали ключевыми мотивами в «Истории Армении» Агатангелоса, поскольку они играли важную роль в воздействии на раннесредневековых читателей. Визуализации деталей и персонажей текста «Истории Армении» можно обнаружить в разных «форматах» искусства – таких как миниатюры, стеллы, гобелены, картины и т. д. Анализ материала показал, что мотив болезни и её врачевания стал ключевым генератором в истории принятия христианства армянами. Избиение 37 девушек-христианок, среди которых были святые Гаянэ и Рипсимэ, стало причиной болезни царя Трдата III. Процесс исцеления царя проходит разные этапы (например, облачение тела). Кроме того, сама болезнь становится причиной того, что сестра царя, Хосровадухт, через сон вспомнила о Григории Просветителе, о будущем лекаре, вылечившем аристократию не только на телесном, но и на духовном уровне. Болезнь царя стал поводом для его покаяния. Из повествования Агатангелоса очевидно, что позиция автора является теистической: Бог активно участвует в процессе принятия христианских ценностей и вразумляет язычников через разные визуальные «каналы» (звероподобность, сон Хосровадухт). Через недуг и покаяние социальный «верх» и Трдат III приобрели, во-первых, красоту (переход от свиньи к человеку), во-вторых, добро (этика горизонтальных отношений), в-третьих, истину (познание Бога, установление вертикальных экзистенциальных отношений). Иными словами, царь познаёт христианские ценности и тем самым подготавливается к таинству Крещения. Анализ разных форматов и жанров визуализации «Истории» Агатангелоса показал, что в раннем средневековье царь Трдат чаще изображался звероподобно, в последующих веках, с XV по XIX вв., более всего визуализировали другой сюжет – Крещение. Частность этого сюжета даёт основание предположить, что мотив запугивания (звероподобность Трдата III) меняется на подчёркивание значимости Крещения, но с асимметричными акцентами в моделировании образов. Григорий Просветитель всегда представляется в более крупном размере, чем все остальные фигуры. В позах и расположении фигур (верх vs низ, крупно vs мелко и т. д.) всегда существует асимметричность изображённых. Кроме визуальных мотивов Крещения и молитвы на коленях в армянской миниатюре позднего времени можно увидеть Трдата III изображённым с двойным кодированием, т. е. с нимбом

и короной; вместе с тем встречаются изображения, где он представлен только в тиаре. Эти примеры показывают, что авторы сами решали, как изображать царя: одновременно со знаками светской власти и святости или только с одним из них.

Ключевые слова: визуальная семиотика, болезнь, исцеление, Армения, принятие христианства, семантика вепря, визуализация крещения, Трдат III, Григорий Просветитель.

THE MOTIVE OF HEALING AN ILLNESS AND ITS VISUALIZATION ON THE EXAMPLE OF THE “HISTORY OF ARMENIA” BY AGATHANGELOS

Tigran Simyan

Yerevan State University, Armenia

tsimyan@ysu.am

The article examines in details the motives of illness and its healing based on the *History of Armenia* by Agathangelos. This text is a product of social and Christian memory, and its translations into different languages (Syrian, Greek) indicate its transnationality. In the course of describing the mentioned motives the visualizations of the main characters in Armenian medieval manuscripts, miniatures and paintings are analyzed. The description of the illness and healing of the Armenian king Tiridates III and the aristocracy became the key motives in Agathangelos' *History of Armenia*, since the detailed descriptions of the sick king played an important role for influencing early medieval readers. Certainly, the visualizations of details and figures based on the text of *History of Armenia* by Agathangelos were of a great interest in various formats of art, such as miniatures, steles, tapestries, paintings, etc. The empirical analysis of the material showed that the motive of illness and its healing became key generator in the history of the adoption of Christianity by Armenians. The beating of 37 Christian girls, among whom were Saints Gayane and Hripsime, caused Tiridates III's illness. The healing process passes through different levels, such as covering the body. In addition, the disease itself became the reason that the king's sister, Khosrovadukht, through a dream, remembered Gregory the Illuminator, about the healer who cured the aristocracy not only on physical, but also on spiritual level. The king's illness became the reason for his repentance. From the narration of the *History of Armenia*, it becomes obvious that the author's perception is theistic, since God actively participates in the process of adopting Christian values and appears to the pagans also through various channels (bestialness, the dream of Khosrovadukht). Through illness and repentance, the high society and Tiridates III acquired, first, beauty (the transition from a pig to a man), second, kindness (ethics of horizontal relations), and third, truth (knowledge of God, the establishment of vertical existential relations). In other words, the king learns Christian values and thereby prepares himself for the great sacrament – baptism. Analysis of different formats and genres of visualizations showed that in early middle Ages the king was often portrayed in a bestial manner, while in subsequent centuries, that is, 15th – 19th centuries another subject – baptism was visualized most of all. The

particularity of this plot provides a basis for suggesting that the motive of intimidation (the bestialness of Tiridates III) changes to the emphasis on baptism, but with asymmetric accents on the modeling of images. Gregory the Illuminator always appears to be larger than all other figures. In the poses of the figures (top vs. bottom, larger vs. smaller, etc.), there is always an asymmetry. Besides the visual motives of baptism, kneeled praying in the Armenian miniature of late times, Tiridates III can be seen with double coding depiction, that is, with a halo and a crown. However, there are examples of his depiction only in a tiara. Examples show that the authors themselves decided to represent the king with the signs of secular power and holiness or with the one of them.

Keywords: visual semiotics, illness, healing, Armenia, adoption of Christianity, boar semantics, visualization of baptism, Tiridates III, Gregory the Illuminator.

О принятии христианства в Армении и о святом Григории Просветителе написано немало трудов, но, насколько нам известно, нет исследования, сфокусированного на рассмотрении мотива болезни и врачевания, а также на теме визуализации текстовых пассажей и эпизодов, связанных с этим мотивом.

Ил. 1. Агатангелос, св. Григорий и Трдаг III. Миниатюра, XVI в.

Источник: https://avproduction.am/?ln=en&page=person&id=4810&name=Vardan_Baghishetsi

Если рассмотреть агиографию Григория Просветителя в контексте раннеармянской средневековой литературы с точки зрения теории коммуникации и теории социальной памяти (Хальбвакс, Ассман и т. д.), можно сказать, что рукопись Агатангелоса (ил. 1) является прежде всего продуктом индивидуальной памяти армянской ойкумены о событиях, произошед-

ших приблизительно полтора века назад, поскольку, по текстологическим данным, «История Армении» была записана в промежутке между 428 и 435 годами или, максимум, после 440-го года [Тер-Давтян, Аревшатян 2004, 14]. Одновременно следует подчеркнуть, что данный текст является продуктом христианской социальной памяти, а распространение рукописи и её переводы (сирийский, греческий) указывают на то, что текст Агатангелоса становится транснациональным феноменом, продуктом «потребления» полиэтнической ойкумены христианского мира. В свою очередь, и армянская культура испытывала на себе внешнее влияние; так, анализ, предпринятый Курдыбайло и Шагинян, показал, что «Учение святого Григора» находилось «на границе грекоязычного и сироязычного богословия, тяготея к последнему» [Курдыбайло, Шагинян 2016, 37]. Следовательно, армянская теологическая мысль получала импульсы извне, из других раннехристианских регионов.

Структура «Истории Армении» Агатангелоса такова: «Предисловие», «Житие и история св. Григория», «Мученичество Рипсимянских дев», «Учение св. Григория», «Спасительное обращение страны нашей Армении», «Исповедание истинной веры». Можно заключить, что сочинение Агатангелоса в жанровом плане является гибридным текстом, в котором под гиперонимом «история» собраны разные раннехристианские жанры-типы – такие, как агиография (жития и мученичества), литургия, апологетика, экзегетика, гомилетика, исповедание веры и т. д. Иначе говоря, произведение Агатангелоса в жанровом плане стало многоязычным текстом, послужившим стимулом для развития этой темы в русле многих жанровых дискурсов. Таким образом, христианские жанры стали «формами» социальной памяти для «заполнения» другими материалами из истории христианства в Армении.

Цель данной статьи – детально рассмотреть мотив врачевания болезни на основе «Истории Армении» Агатангелоса и его визуализации в армянских средневековых рукописях и в религиозной живописи. Главный тезис заключается в следующем: с прагматической точки зрения, мотив врачевания болезни является ключевым мотивом «Истории Армении» Агатангелоса и предназначен для воздействия на реципиента не только на текстовом, но и на визуальном уровне, что и было реализовано в различных изобразительных форматах – миниатюрах, стелах, гобеленах, картинах и т. д.

К анализу текста «Истории Армении» Агатангелоса не раз обращались в русскоязычной литературе [см.: Курдыбайло, Шагинян 2016], однако ранее подробно не рассматривался обозначенный нами аспект. Прежде всего, для многостороннего изучения мотива болезни необходим анализ актантов – больного и целителя. Интересно, что информация о целителе Григоре доходит до больных социального «верха» – двора Трдата III – через сон сестры армянского царя, Хосровадухт (Агатангелос 214). Согласно этому сну, необходимо было вывести из ямы-темницы заключённого туда Григора, который раскроет истину жизни и вылечит поражённых недугом. «Лекарством» для больных должна была стать проповедь Просветителя, адресованная царю, его приближённым и всем больным. Основной акцент проповеди – это учение о Боге, призыв к осознанию грехов и покаянию за содеянное. В своей

проповеди Григор, ссылаясь на традицию Ветхого Завета, говорит: «Ибо кого любит Господь, наставляет; наказывает того сына, к кому благоволит. И Он по Своему благоволению призывает вас к усыновлению»¹ (Агатангелос 226). Логика этих слов Григора заключается в том, что Бог посылает болезнь тем, кого любит, чтобы они сделали соответствующие выводы из этого опыта и в итоге познали Бога.

В «Истории Армении» встреча Трдата III и Григория Просветителя начинается в монастыре Хор Вирап, у Арташата. В § 219 описывается, как Григория достают из ямы, одевают его почерневшее как уголь тело² и везут к царю в Вагаршапат, где тот томился от страшных, невыносимых болей. И вот царь, отделившись «от стада кабанов, погоняемый бесом, обнажённый, в постыдном виде двинулся навстречу <Григору>» (Агатангелос 219). В этом эпизоде представлено асимметричное состояние тел двух героев: Трдат III показан голым, в то время как Григор, освободившийся из Хор Вирапа, укрыт одеждой. Тем самым нарратор подчёркивает, что царь ещё не отделился от природы, от животного мира, одеяние же Григора указывает на социализованность тела, его принадлежность к христианскому культурному миру.

По ходу наррации постоянно отмечается, что приближённые царя тоже были одержимы бесами. Когда они видели Григора с Отой, то бросались им навстречу, «беснуясь и поедая свою плоть, безумствуя и испуская пену»³ (Агатангелос 220). В этот момент Григор опускается на колени и начинает молиться, чтобы «они тут же пришли в себя. Он приказал им надеть на себя одежду и прикрыть свою наготу» (Агатангелос 221). Приведённые цитаты показывают, что исцеление царя и его приближённых возможно только через *молитву*, а визуальным признаком исцеления является прикрытие голого тела одеждой. Приказ Григора прикрыть наготу царя является начальным этапом окультуривания последнего [ср.: Аванесов 2016, 40–43], предпосылкой для последующих этапов его социализации с помощью христианских ценностей и таинств (Крещение). Следует указать, что Трдат III в тексте Агатангелоса представлен как «тёмная» натура, тогда как в действительности он был образованным мужем, воспитанным при дворе римского аристократа Ликиния (308–324), получившим блестящее для того времени образование и, кроме того, говорившим на латинском и греческом языках⁴.

Следует вспомнить визуализацию этого эпизода в армянской миниатюре, на которой Трдат III изображён в виде вепря, но в облачении царя (ծիրանի, *цирани*). Хотя название одежды указывает на цвет абрикоса, то есть на жёлто-красный, в словарях древнеармянского языка этот цвет определяется также как фиолетовый и синий [Оганесян 1998, 132]. На миниатюре Григорий Просветитель противопоставлен царю и двору (ил. 2). Святой представлен симметрично, с нимбом, в христианском облачении, а представители двора – в искажённом облике, поскольку они находятся в состоя-

¹ Ср.: Притч 3:12, 13:24; Евр 12:6; Еф 1:5.

² «Тут же принесли ему одежды и одели его» (Агатангелос 219).

³ Ср. Ин 9:20.

⁴ См. подробнее о нём: Арутюнян, Саакян 2002.

нии греха. Согласно христианскому мировосприятию, безобразие указывает на их внутреннее повреждение. Именно поэтому Просветитель на миниатюре представлен в соответствии с эстетической категорией красоты, а царь и двор – в состоянии безобразия, корявости и неказистости (длинные носы, асимметричность лиц, челюстей, губ и т. д.).

Ил. 2. Трдат в образе кабана и св. Григорий.

Миниатюра из «Истории Армении» Агапангелоса, 1569. Матенадаран

Источник: <https://www.pinterest.it/pin/337558934551474758/>

Заметим, что безобразное в миниатюре показано в представителях социального «верха» в принципиально разных проявлениях: вепрь-царь vs человекоподобный некрасивый двор. Царь был главным виновником убийства 37 девушек-христианок, среди которых были святые Гаянэ и Рипсимэ. Трдат III пожелал взять в жёны Рипсимэ, но, получив отказ, пришёл в ярость и приказал побить всех камнями (ок. 300 г.), за что и был наказан болезнью, нервным недугом. Именно поэтому царь на миниатюре визуализирован радикально негативным образом – в виде животного (вепря), а язычники, приближённые царя – менее радикально, всё же человекоподобно, но некрасиво, с преднамеренным акцентом на безобразно изображённых носах.

Необходимо отметить, что изображение армянского царя в виде вепря, кроме того, встречается на восточной стороне южной стелы Одзунского

монумента (V в.)⁵. С композиционной точки зрения таким же образом представлен Трдат III и на четырёхстороннем памятнике в окрестностях Талинского собора (VII в.) на севере Армении⁶. На этом изображении чётко можно различить больного царя в облачении и с атрибутами святого (ил. 3). Указанные визуализации функционируют на прагматическом уровне: они напоминают реципиенту о недостойных деяниях царя посредством его звероподобного облика. Изображения Трдата III на одзунской и талинской стелах⁷ дают основание предположить, что талинское изображение царя является более поздней версией одзунского оригинала; в пользу этого говорит и то, что территориально эти памятники находятся не очень далеко друг от друга.

Ил. 3. Талинская стела. Изображение Трдата. VII в.

Источник: <http://treasury.am/hy/քառակող-կողոն-թալինի-կաթողիկե-եկեղեցու-գերեզմանատանը-55>

Общность моделей двух названных изображений опровергает версию о том, что образ царя на четырёхстороннем памятнике в окрестностях Талинского собора является на самом деле образом св. Христофора. Отчасти такая версия могла бы иметь право на существование, поскольку

⁵ О датировке этого монумента см. подробнее: Азарян 1965, 212.

⁶ Автор выражает благодарность искусствоведу Сейрануш Манукян за указание на данный источник.

⁷ О полемике по поводу атрибуции указанного персонажа см.: Акопян 2015 б, 127–129; Акопян 2019, 136.

оба святых были в прошлом язычниками и совершали различные небогоугодные деяния. По всей вероятности, именно этот факт стал причиной того, что у некоторых искусствоведов возникали визуальные ассоциации со св. Христофором [см.: Акопян 2015 а]. Вышеупомянутыми артефактами, конечно, не исчерпывается визуализация армянского царя; его звероподобный образ можно увидеть и на обелиске близ села Уджан (храм Хараба).

Путь исцеления Трдата

Как известно, Трдат III и его приближённые не исцеляются сразу. До выздоровления они вместе с Григором участвуют в организации погребения девственниц, осознают свои грехи и каются (Агатангелос 223–225). Фактически, они проходят «инициацию» христианской аксиологией, осмысляя содеянное и оценивая мученическую смерть христианок (Рипсимэ, Гаянэ и других). Подобные религиозно-психологические действия открывают путь к исцелению Трдата, переходу от животного состояния к богочеловеческому. Григор в своей информативно-дидактической проповеди⁸ отмечает: «Но великое милосердие Бога сохранило меня живым. И хотя я был недостоин, но вот я занят исцелением душ и тел. Стал лекарем ваших душ и тел, дабы одарить вас благом» (Агатангелос 239).

Болезнь Трдата, очевидно, имеет свои первопричины: эгоцентризм, злобу, неповиновение, отречение от Бога, то есть всё то, за что следует наказание свыше. Физическая болезнь Трдата становится следствием его душевного состояния; иными словами, внешнее становится зеркалом внутреннего. Свиноподобие Трдата прочитывается как метафора отсутствия красоты, добра, правды и истинности. Благодаря святому Григору царь Трдат и его приближённые через внимание проповеди, покаяние и осознание своих грехов приобретают, согласно средневековому мышлению, три важные добродетели:

- а. красоту (переход от свиньи к человеку),
- б. добро (этика горизонтальных отношений) и
- в. истину (познание Бога, установление вертикальных отношений).

Из вышесказанного можно с большой долей вероятности заключить, что Григор осознавал себя в роли посредника между язычником-царём, язычником-народом и Богом в функции «лекаря душ и тел, дабы одарить вас благом» (Агатангелос 239).

Визуализацию этого можно увидеть на известном «венском» гобелене (ил. 4). На нём изображены армянская знать и глубоко кающийся царь со своей женой Ашхен. Интересно, что на данном изображении очень много общего в композиционном плане с одной из армянских икон в Румынии (Музей Дудян, Бухарест, 1794) с тем же сюжетом и расположением тел [Манукян 2015, 44]. По всей вероятности, один из авторов работы был знаком с более ранним образцом. Знаки покаяния здесь очевидны на невербальном

⁸ Следует заметить, что идейные и структурные особенности проповеди Григора представляют интересный материал для типологического исследования, но оно находится за пределами поставленной здесь цели.

уровне: сложенные вместе ладони, поклоны, коленопреклонение. Подобный жест можно увидеть и на росписи Эчмиадзинского монастыря (первая декада XVIII в.), выполненной армянским художником Нагашем Овнатаном, под названием «Царь Трдат с женой Ашхен и сестрой Хосровадухт».

Ил. 4. Крещение святым Григорием царя Трдата III. Гобелен, XVIII в.

Вена, собрание Музея Мхитаристов

Источник: <http://ww12.sdsmp.ru/news/n6462/>

А вот как описано духовное исцеление на текстовом уровне: «Царь и нахарары и остальные люди, пав ниц, валялись во прахе и говорили как бы едиными устами» (Агатангелос 243). Низвержение в прах перед святым Григором становится знаком осознания греха и просьбы о его отпущении:

«И все люди, заголосив и зарыдав вместе с царём, пали ниц, лобызали ему ноги и ни на миг не могли отойти от него из-за дьявольских мучений и сотрясающих их ужасных ударов. Ибо как только они немного отдалялись от него, их тут же настигали бесы и приводили в бешенство, заставляя их собственными зубами грызть свои же тела» (Агатангелос 246).

Подобные повторы в тексте Агатангелоса становятся лейтмотивами⁹, поскольку нарратор придаёт этим мотивам большое семантическое и эти-

⁹ Лейтмотивами могут считаться те мотивы, которые выпадают из синтагмы фабулы.

ческое значение. Специально подчёркивается болезнь и одержимость бесами Трдата и его свиты. В частности, в описании этого эпизода важен тот факт, что больные не могут отойти от Григора, так как при отдалении от святого их боли значительно усиливаются. Отмечается также сила Бога, открывающаяся в Григоре: он, по сути, становится медиатором между светом Божиим и армянским народом. Прагматический аспект текста подчёркивается через гиперболические образы. Так, например, активность и действенность дьявола заставляет больных грызть свои пальцы. Затем в «Учении святого Григора» говорится об их исцелении. Особенно примечательны в этом отношении следующие два пассажа:

А. «Блаженные апостолы выпили и опьянели, и возрадовались, и наполнили весь мир из обеих чаш — напоили тех, кто захотел выпить то, что пожелал. Так вот вас опьянила глупость невежества и <поднесла> вам смешанную с ядом чашу смерти. А ныне с верой возьмите и испейте из чаши исцеления жизни ваших душ, дабы избавиться вам и спастись от грядущего сожжения» (Агатангелос 512).

Б. «И ныне то, что так никчёмно и ничтожно и ни для кого не может быть полезно, отсекайте, отбросьте от себя, выкиньте то, что усохло и окаменело, и от этого вы получите не болезнь, а крепкое здоровье, исцелите ваши души. Подобно <человеку>, который, извергнув <накопившуюся> желчь и горькую мокроту, чувствует облегчение от недуга и выздоравливает, так и вы, если откажетесь от бесполезного, найдёте пользу для себя и будете избавлены от осуждения на вечные муки. Ибо семя огнепоклонства вашего толкает вас в геенну неугасимого огня, откуда нет спасения. Оно даёт <только> такой плод» (Агатангелос 526).

Как свидетельствуют эти эпизоды, болезнь рассматривается только в религиозном аспекте: кто не христианин и не носитель христианских ценностей, тот болен. Истинный исцелитель есть Бог, Христос (Агатангелос 565–566). Бог также исцелитель всего Человечества (с моральной, психологической и аксиологической точек зрения), а Григор с Божьей помощью становится исцелителем одного народа. Здесь важно противопоставление общего и частного. При этом по ходу проповеди постоянно подчёркивается, что исцелителем душ является Бог: «Он — исцелитель раненых, кто, как вы, ранены нечестием» (Агатангелос 573).

Надо заметить, что случаи описания болезни и упоминания о болезни и больных построены по кумулятивному (накопительному) принципу. Эти эпизоды повторяются, но не одинаково: каждый раз какая-то деталь или какой-то факт прибавляется к сказанному ранее. Применение такого принципа можно видеть в проповеди святого Григора:

«Сказав это, он отпустил толпу, но царь и вельможи не покидали его ни на минуту, ибо они были сокрушены ударами и напуганы. <Они> пребывали около него днём-ночью и оставались с ним в винограднике, у дверей давильни, обласав во власяницу и сидя на пепле, они шестьдесят шесть дней постились. И блаженный Григор непрестанно и без усталости днём и ночью в течение шестидесяти пяти дней не переставал говорить, наставлять, учить и укреплять.

Подобно мудрому лекарю¹⁰, он стремился найти полезное лекарство, дабы они, как больные, поднесли ему свои души, а от него, как от искусного мастера, получили исцеление своих душ Евангелием Христа» (Агатангелос 722).

Обратим внимание на некоторые обстоятельства этого эпизода. Трдат и аристократия остаются у Григора, то есть, как метко отмечает Золян, «практически происходит инверсия отношений слуга / господин» [Золян 2002, 20]. Кроме того, Трдат пространственно перемещается: из зарослей камыша и из поля – в сад, в чём можно видеть противопоставление искусственного, окультуренного пространства естественному (камыш, болото, поле).

В 722-ом параграфе «Истории Армении» Агатангелоса описывается пространственное и социальное расположение между царём и знатью (верх vs низ; сидящий vs стоящий; царь и вельможи vs Григор). В одном эпизоде св. Григор оказывается (в социальном плане) в доминантной позиции, поскольку он приказывает, а социальный «верх» исполняет: «Царь и князья, соглашаясь на всё, спешили сделать то, что прикажет Григориос» (Агатангелос 725). Это не единственный эпизод, где нарратор пытается подчеркнуть высокий статус Григора: «И вот, когда наступил шестьдесят шестой день и рассвело, ишханы с царём и нахарарами и пёстрой толпой, а также женщины с невинными детьми, подошли и, группами припав к стопам святого Григора, молили и просили дать им исцеление от настигшей их кары, ибо они были сражены ударами гнева жезла справедливого суда» (Агатангелос 726). Эта цитата снова подтверждает мысль о том, что болезнь была дана Трдату III и другим с целью познания Бога, и, поскольку они Его не познали, посох гнева продолжал висеть над ними¹¹. Однако, как отмечает Золян, социально-политическое положение Трдата III отчасти восстанавливается [Золян 2002, 20], когда он, в роли представителя социального «верха», посылает св. Григора в Кесарию на рукоположение.

В последующей наррации снова упоминается о болезни Трдата, но его облик и тело описывается здесь уже намного детальнее:

«Он преобразился, приняв облик грязелюбивой свиньи, так как всё его тело обросло, на всех частях <его> тела выросла щетина, как у крупных диких кабанов, а ногти на пальцах ног и рук превратились в копыта, как у вепря, копающего землю и питающегося кореньями. Лицо его уподобилось рылу с хоботом, как у зверей, живущих в камышах. В звериной природе и <со звериными> повадками, лишённый высокого царского великолепия, он бессловесным бродил в облике травоядного зверя и вместе со зверьми жил в зарослях камыша, вдали от людей» (Агатангелос 727).

¹⁰ Заметим, что функция «мудрого лекаря» встречается в произведении Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих». Логика общности связана с транснациональным христианским мышлением [см.: Симян 2009, 261–275].

¹¹ Необходимо заметить, что подобное восприятие Бога является скорее ветхозаветным, так как именно в Ветхом Завете Бог общается с народом в модусе запугивания, наказания, готовности уничтожить непослушных. В Новом же Завете Христос меняет модель общения между Богом и человеком, тем самым вертикальная коммуникация, основанная на страхе, превращается в коммуникацию, основанную на любви.

Из этого описания видно, что автор старается вызвать у читателя антипатию к Трдату через отвращение в отношении его внешнего вида. Следует отметить, что нарративные повторы предполагают «чувственность» наррации. Одновременно с помощью ретардации повествование замедляется, а приведённые визуальные пассажи акцентируют греховность отрицательного героя. Частые упоминания «животных» эпизодов ужасающе действуют на верующих читателей того времени. Текстовые повторения являются одним из важнейших элементов построения фольклорного текста и, кроме того, придают наррации структурность. «Тавтология, – пишет Л. Г. Невская, – как упорядочивающий приём является организующим фактором как её ритмико-звукового, так и смыслового аспекта» [Невская 1983, 192]. Цель такого приёма – постоянно доносить до сознания адресата текста свиноподобное состояние царя-грешника: «Ногти на ногах и руках <у него> были, как у вепря, лицо – подобно рылу с огромными клыками, как у крупных вепрей и как у кабанов, всё его тело было покрыто густой щетиной» (Агатангелос 763). Как видим, к известному уже образу Трдата-вепря ничего существенно нового не добавляется.

Помимо этого, Трдат в «Истории Армении» Агатангелоса представлен также стоящим среди своего народа в лохмотьях. Подобный образ подчёркивает, что он, будучи царём, уже не стесняется народа. Нарратор, по сути, описывает нарушение царского дресс-кода: царь поменял царский пурпур на лохмотья, уже не думает о своём социально-политическом статусе, так как единственная его забота – покаяние в грехах. Такая сниженная визуаль-но-семантическая позиция царя должна с особой силой подчеркнуть христианское понимание внутреннего недуга как подлинной причины внешней, телесной немощи:

«А блаженный Григориос, начав молиться, просил у всемилостивейшего Бога сперва об исцелении не их внешности, а разума, <способного> к восприимчивости поучения, чтоб они очнулись и поняли сказанное о Божьих заповедях. Они исцелились лишь настолько, что получили способность внимательно слушать, понимать и свободно говорить. И все шестьдесят шесть дней проповеди <царь> пребывал в том же образе, покрытый, обмотанный покрывалом, среди многолюдной толпы, скопившейся на площади» (Агатангелос 729).

Очевидно, что здесь утверждается прямая связь между внешним, *видимым* обликом человека и его *внутренним* здоровьем, обретаемым в сфере христианской аксиологии и этики:

«Когда они, упав, стали валяться у него в ногах и просить об исцелении, ибо царь, лишённый человеческого облика, имел постыдный вид и обрёл лишь способность разумной речи и слуха, <Григориос> в ответ на их мольбу сказал им: “Я вместе с вами, как один из вас, буду просить о вашей пользе построить часовни для упокоения мучениц Божьих, чтобы и они избавили вас от тяжких страданий и спасли от уготованной <вам> ужасной и суровой кары грядущего Суда, и вы сподобитесь царствия Христа”. И они попросили сделать то, что он хочет. А он рассказал им о своём видении следующее...» (Агатангелос 730).

Ил. 5. Святой Григорий исцеляет Трдата. Миниатюра, 1678.
Животная природа царя аллегорически изображена в виде кабана.
Вена, Библиотека Мхитаристов

Источник: <https://www.pinterest.ru/pin/383931936955906016/>

Этот эпизод повествования демонстрирует читателю процесс поэтапного излечения Трдата и его свиты. Царь снова приобретает способностью говорить, слушать, понимать и молиться, изживает в себе животную природу (ил. 5), и его душевный облик за пределами психики животного, а также его когнитивные способности и умение познать Бога представляются как дар Божий, полученный в ответ на личное покаяние. Последовательность исцеления царя такова: во-первых, он выздоравливает душевно-мотивационно-когнитивно – появляется желание выслушать церковную доктрину и готовность принятия заветов Господа Бога; во-вторых – телесно: теперь его руки и ноги должны во имя христианской любви служить погребению святых девственниц, павших мученической смертью. С разрешения Григора

к работе приобщаются жена царя Ашхен и сестра царя Хосровидухт. Таким образом, телесное излечение Трдата носит практический характер. Взамен он должен почтить память павших, выполнить роль землекопа. Исцеление ног и рук даются ему с тем, чтобы он пошёл истинным путём, совершая справедливые, правые дела, используя свою внутреннюю духовную и внешнюю физическую силу для добрых и справедливых дел.

После двух стадий исцеления наступает последний, завершающий этап:

«И вот, когда все они находились на месте служения под сводами дома Божьего, блаженный Григориос начал говорить: “Все преклоните колени, дабы Господь исцелил вас от ударов”. И все пали ниц перед Богом. Блаженный Григор обратил свою молитву и мольбу <к Господу> и горячо, с покаянием и слезами стал просить об исцелении царя. И царь, стоявший перед народом в облике вепря, вдруг затрясся, кабанья шкура вместе со страшными клыками и рылообразным лицом спала с него, и лицо его приобрело прежний вид, а тело стало нежным, как у новорожденного, и он всем телом полностью исцелился» (Агатангелос 773).

«Точно так же исцелились от болезни все собравшиеся люди из народа; среди них были прокажённые, парализованные с высохшими членами, страдающие водянкой, беснующиеся, изувеченные и подагрики. И так милосердный, человеколюбивый Христос открыл Свой всемогущий лечебник, дабы излечить всех рукой Григора, и все недужные выздоравливали от своих болезней. Подобным же образом пробился и источник знания Христа, дабы наполнить всеобщий слух истинным учением Божиим» (Агатангелос 774).

Мы видим, как мотив болезни приобретает здесь дополнительные семантические коннотации: болезнь есть не только угроза для здоровья и жизни, но и возможность пути к внутреннему исцелению по молитве святого; это исцеление становится действительным благодаря личному раскаянию и помощи свыше. Приобретение телесного здоровья оказывается при этом не только следствием внутреннего, духовного преобразования, но и началом просвещения народа, причиной принятия народом христианского исповедания. Если бы не было болезни, то народ не узнал бы о христианстве. Иными словами, болезнь Трдата стала причиной, поводом, исцеление – следствием. Тем самым логика повествования приобретает целостность. Интересно, что после описания излечения Трдата, армянской аристократии и остального народа «голос» нарратора звучит как отдельная партитура. Его сингулярная точка зрения как бы нейтрализуется: «я» растворяется в «мы» (Трдат и другие армяне, бывшие язычники). Противопоставление «я» vs «они» исчезает, а исцеление описывается теперь как чудо, посланное Богом, Который «смилостивившись над нами, молитвенным заступничеством этих мучеников, через Твоего мученика Григора исцелил всех нас» (Агатангелос 798). «Мы» становится признанием и выражением религиозной общности.

На следующем этапе христианизации Трдат III и аристократия приносят «благоуханные масла, благородный ладан и разноцветные шёлковые саваны, дорогие золотоканые одеяния. И жена царя, девы царской крови, благородные жёны и дочери вельмож приносили пурпурную и голубую парчу, выши-

тую золотом, и белые, как снег, одеяния для святых. Также золото и серебро и ткани поспешно собирали у дверей давилни» (Агатангелос 761). Но Григор не принимает их подарки¹² и не подпускает к гробам святых, поскольку они ещё не полностью исцелены – не крещены (Агатангелос 760). Принятие таинства становится окончательным духовным излечением, рождением для новой жизни. Крещение царя состоялось 6 января 303 г., в праздник Святого Богоявления в Багаване; при крещении Трдат III получил новое имя – Иоанн, в честь св. Иоанна Крестителя [см.: Арютюнян, Саакян 2002].

Ил. 6. Эчмиадзин. Ворота св. Григория Просветителя, 2002

Источник: <https://pixabay.com/ru/photos/эчмиадзин-собор-ворот-вход-ангел-1781463/>

Сюжет крещения царя Трдата III святым Григорием Просветителем стал распространённым явлением в живописи Нового времени. Художники акцентировали уже не звероподобность царя, а сам акт крещения и принятия христианства армянским народом. Если на «венецианской» картине (Коллекция Мхитаристов, Венеция) размеры фигур смоделированы вполне правдоподобно, без особой акцентированности образа Григория Просветителя, то на картине неизвестного армянского автора XVIII–XIX вв. (Эчмиадзинский монастырь) – всё наоборот: образ св. Григория акцентируется бóльшим размером, оппозицией верх / низ. Такие же композици-

¹² Конечно, если человек преподносит подарок, то это знак уважения, любви и благодарности. Святой Григор тоже оценивает этот шаг: «Не говорил ли я вам ранее, что не подобает что-нибудь от вас подносить им, пока вы ещё не очищены Крещением? Но ваше желание – уже благо для вашего спасения. Всё это пусть хранится в царской сокровищнице до тех пор, пока для вас по милостивому попечительству не будет дарован пастырь и наставник и пока не появятся у вас предводители, первосвященники, епископы-надзиратели и священники для просвещения церковного чина Божьей любовью. И всё это рукой избранного первосвященника будет поставлено на службу восприемника славы престола Божьего» (Агатангелос 762).

онные детали можно увидеть в армянской иконографии в Румынии [напр., Манукян 2015, 44] и на картине Ивана Айвазовского «Крещение армянского народа» (1892). Благодаря освещённости образа, центральной фигурой последней картины выступает именно Григорий Просветитель. Если на «венедианском» и «эчмиадзинском» изображениях отсутствует психологизация, то на картине Айвазовского, напротив, мимика, выражение лиц, пластика стоящих на коленях фигур указывают на потрясение, удивление и страх, а духовная власть первосвященника проявляется в его облачении, выражении лица и глаз. Отметим, что только в одном случае можно увидеть царя Трдата III и Григория Просветителя в горизонтально равном положении: на воротах Григория Просветителя в Эчмиадзине (ил. 6).

На самом деле горизонтальность расположения двух фигур имеет свои семиотические основания. Такую композицию можно интерпретировать как свидетельство признания обществом важной роли армянского царя Трдата III в смене ценностной, политической и религиозной парадигмы: именно царь стал «архитектором» новой идентичности (армянское христианское «мы»), выступил концептуальным мыслителем и практиком. Трдат сначала демонтировал языческие элиты, организовал легитимные выборы первосвященника Григория Просветителя, отправив его в Кесарию (Каппадокия) для рукоположения. В результате легитимно рукоположенный и официально признанный Григор стал первосвященником Армянской апостольской церкви. Таким образом, Трдат III сыграл важную роль в основании Армянской церкви. Изображение *равных* фигур на воротах Григория Просветителя ставит *знак равенства* между двумя историческими личностями, между светской и духовной властью, а также выступает визуальным знаком функциональной взаимодополнительности социальных институтов в деле обеспечения гомеостаза государственного строя¹³.

Если попытаться подытожить жизненный путь Трдата III и Григория Просветителя, то можно его представить следующим образом:

А. Трдат III: жизнь → смерть (болезнь вследствие грехов) → возрождение (Крещение);

Б. Григорий Просветитель: жизнь → смерть (Хор Вирап) → (духовная) жизнь (патриаршество, распространение христианства).

Интересная деталь: в тексте Агатангелоса отсутствует описание физической смерти Трдата и Григора. Эта тема опущена, повествования как бы не доведено до логического завершения. Конец текста не маркируется концом жизни, смертью, и всё повествование заканчивается жизнеутверждающе. Можно сказать, что Агатангелос *мифологизирует* свою нарратацию, поскольку автор-историк, будучи «идеологом побеждающего христианства» [Мелик-Оганджян 1934, 93], решил оставить в тексте своих героев живыми.

¹³ Следует заметить, что в городской среде ворота становятся пространственными маркерами, «границей между двумя пространствами», обеспечивая возможность перехода из одного пространства в другое [Аванесов 2017, 56]. В нашем случае врата – граница светского и духовного, рубеж между городом и территорией кафедрального собора св. Эчмиадзина. По сути, врата Григория Просветителя стали *ходом* или «святыми вратами», отсылающими к эксцентрической характеристике восточнохристианского города [Аванесов 2018, 77].

Ил. 7. Трдат III в Часословах 1363 г. (слева) и 1442 г. (справа)
 Источник: Геворкян 2005, 132, 183. Фото автора, 2020

Логическую точку в описании принятия христианства армянами поставил «отец» армянской историографии Мовсес Хоренаци в своей «Истории Армении», описав смерть двух ключевых фигур этого процесса [Хоренаци 2016, 181–184]. Армянский царь, согласно преданию, был похоронен в серебряном гробу рядом с Григорием Просветителем и причислен к лику святых [Арутюнян, Саакян 2002, 1026]; именно поэтому Трдат III в армянской изобразительной традиции представлен с двойным визуальным кодом, т. е. и с нимбом, и с короной [Геворкян 2005, 132]. Следует заметить, что названный царь в армянской миниатюре не всегда изображался с двойным кодированием. На одной из страниц Часослова 1442 г. (храм Ахджоц) царь представлен в одной лишь тиаре [Геворкян 2005, 183] (ил. 7). Примеры показывают, что авторы сами решали, представлять царя со знаками светской власти и святости или только с одним из них.

Выводы

Предпринятый анализ текста «Истории Армении» Агатангелоса (V в.) показал, что мотив врачевания болезни стал ключевым генератором темы принятия христианства армянами. Избиение 37 девушек-христианок, среди которых были святые Гаянэ и Рипсимэ, стало причиной болезни царя Трдата III. Именно болезнь царя послужила поводом для его покаяния и постепенного, поэтапного исцеления. Из повествования «Истории

Армении» очевидна теистическая позиция автора: Бог активно участвует в процессе принятия христианских ценностей царём и вельможами. Кроме того, Он наставляет язычников также посредством разных визуальных «каналов» (звероподобность царя, сон Хосровадухт). Через недуг и покаяние Трдат III и социальный «верх» Армении приобрели, во-первых, красоту (переход от свиньи к человеку), во-вторых, добро (этика горизонтальных отношений), в-третьих, истину (познание Бога, установление вертикальных экзистенциальных отношений). Царь познаёт и принимает христианские ценности и тем самым подготавливается к великому таинству – Крещению. Анализ разных форматов и жанров визуализации данного сюжета показал, что мотив устрашения (звероподобность Трдата III) с течением времени меняется на акцентирование самого Крещения, но, как правило, с асимметричными акцентами в моделировании образов главных героев истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2016 – *Аванесов С. С.* Одетый человек (К проблеме антропологической семиотики власти) // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 1 (7). С. 34–46.
- Аванесов 2017 – *Аванесов С. С.* Сакральная топика русского города (4). Интерьер Софийского собора: семантика ворот // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 3. С. 45–70.
- Аванесов 2018 – *Аванесов С. С.* Сакральная топика русского города (5). Собор и ворота // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 1. С. 70–92.
- Агатангелос 2004 – *Агатангелос.* История Армении / Пер. с древнеарм., вступ. статья, комм. К. С. Тер-Давтян, С. С. Аревшатяна. Ереван, 2004.
- Азарян 1965 – *Азарян Л. Р.* Стелы Одзуна и Брдадзора // Историко-филологический журнал. 1965. № 4. С. 212–220. На арм. языке.
- Акопян 2015 а – *Акопян З.* Изображения со звериным ликом на раннесредневековых четырехгранных стелах Армении // Рождество: Сборник статей, посвященный памяти Феликса Тер-Мартirosова. Ереван, 2015. С. 267–284. На арм. языке.
- Акопян 2015 б – *Акопян З. А.* Образ святого Христофора в раннесредневековой скульптуре Армении (VII век) // Труды государственного Эрмтажа. Том LXXIV. Санкт-Петербург, 2015. С. 119–132.
- Акопян 2019 – *Акопян З. А.* К вопросу о происхождении четырёхгранных стел и мемориальных колонн в раннесредневековом искусстве Армении // Труды государственного Эрмтажа. Том ХСIX. Санкт-Петербург, 2019. С. 133–158.
- Арутюнян, Саакян 2002 – *Арутюнян А., Саакян С.* Трдат // Христианская Армения. Энциклопедия. Ереван, 2002. С. 1024–1026. На арм. языке.
- Геворкян 2005 – *Геворкян А.* Армянские безимьянные миниатюристи. Библиография. IX–XVII вв. Каир, 2005.
- Золян 2002 – *Золян С.* От мифа к истории (Близнечный миф и сюжетная организация «Истории Армении» Агатангелоса-Агафангела) // Контекст-2002: Сборник статей. Ереван, 2002. С. 17–22.
- Курдыбайло, Шагинян 2016 – *Курдыбайло Д. С., Шагинян А. К.* О некоторых особенностях раннесредневековой армянской библейской экзегезы в «Учении святого Григора» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Том 17. Вып. 2. С. 25–39.

- Манукян 2015 – Манукян С. Армянская иконография в Румынии // Сборник статей в честь 90-летия академика Левона Ахвердяна. Материалы конференции. Ереван, 2015. С. 33–45. На арм. языке.
- Мелик-Оганджян 1934 – Мелик-Оганджян К. Иранские мифологические и эпические мотивы, спетые у Фирдоуси, в творчестве Агатангелоса и Бузанда // Фирдоуси. Сборник статей, посвящённый 1000-летию поэта. Ереван, 1934. С. 3–116. На арм. языке.
- Невская 1983 – Невская Л. Г. Тавтология как один из способов организации фольклорного текста // Текст: семантика и структура / Отв. ред. Т. В. Цивьян. Москва, 1983. С. 192–197.
- Оганесян 1998 – Оганесян Л. Ш. Наименования одежды в древнеармянском языке // Вестник Ереванского государственного университета. 1998. № 1 (94). С. 126–134. На арм. языке.
- Петросян 1975 – Петросян Езник, свящ. Празднуемые локальные святые Армянской церкви // Эчмиадзин. 1975. № 9. С. 33–48. На арм. языке.
- Сиян 2009 – Сиян Т. С. Мотив болезни и врачевания в литературе Средневековья и Возрождения (Гартман фон Ауэ – Боккаччо – Рабле) // Дживелеговские чтения. Вып. А. Часть II. Ереван, 2009. С. 261–275. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/simyan-motiv-bolezni-i-vrachevaniya.htm> (дата обращения: 09.09.2020).
- Хоренаци 2016 – Хоренаци М. История Армении / Пер. с древнеарм., прим. Г. Саркисяна. Изд. 2-е, доп. Ростов-на-Дону, 2016.
- Strzygowski 1918 – Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa: Ergebnisse einer vom Kunsthistorischen Institute der Universität Wien 1913. Wien, 1918. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/strzygowski1918bd2/0269> (дата обращения: 09.09.2020).

REFERENCES

- Agathangelos 2004 – Agathangelos. History of Armenia. Transl. into Russian by K. S. Ter-Davtyan, S. S. Arevshatyan. Yerevan, 2004.
- Avanesov 2016 – Avanesov S. S. Dressed Person (On the Problem of Anthropological Semiotics of Power). ПРАЭНМА. *Journal of Visual Semiotics*. 2016. 1 (7). P. 34–46. In Russian.
- Avanesov 2017 – Avanesov S. S. Sacred Topics of Russian Cities (4). Interior of the Saint Sophia Cathedral: Semantics of Gate. ПРАЭНМА. *Journal of Visual Semiotics*. 2017. 3 (13). P. 45–70. In Russian.
- Avanesov 2018 – Avanesov S. S. Sacred Topics of Russian Cities (5). The Cathedral and the Gate. ПРАЭНМА. *Journal of Visual Semiotics*. 2018. 1 (15). P. 70–92. In Russian.
- Azaryan 1965 – Azaryan L. R. Steles in Odzun and Brdadzor. *Historical-Philological Journal*. 1965. 4. P. 212–220. In Armenian.
- Gevorgyan 2005 – Gevorgyan A. Armenian Nameless Miniaturists. Bibliography. 9th – 17th Centuries. Cairo, 2005. In Russian.
- Hakobyan 2015 a – Hakobyan Z. Images with an Animal Face on the Early Medieval Four-sided Steles of Armenia. *Genesis Forest. Collected Articles in Memory of Felix Ter-Martirosov*. Yerevan, 2015. P. 267–284. In Armenian.
- Hakobyan 2015 b – Hakobyan Z. A. The Image of St. Christopher in the Early Medieval Armenian Sculpture (VII century). *Transactions of the State Hermitage Museum*. Vol. LXXIV. St. Petersburg, 2015. P. 119–132. In Russian.

- Hakobyan 2019 – Hakobyan Z. A. On the Issue of the Genesis of Tetrahedral Stelae and Memorial Columns in the Early Medieval Art of Armenia. *Transactions of the State Hermitage Museum*. Vol. XCIX. St. Petersburg, 2019. P. 133–158. In Russian.
- Harutyunyan, Sahakyan 2002 – Harutyunyan A., Sahakyan S. Trdat. *Christian Armenia. Encyclopedia*. Yerevan, 2002. P. 1024–1026. In Armenian.
- Hovhannisyanyan 1998 – Hovhannisyanyan L. Sh. Names of Clothes in Ancient Armenian. *Bulletin of Yerevan State University*. 1998. 1 (94). P. 126–134. In Armenian.
- Khorenatsi 2016 – Khorenatsi M. History of Armenia. Transl. into Russian by Gagik Sargsyan. Rostov-on-Don, 2016.
- Kurdybailo, Shahinyan 2016 – Kurdybailo D. S., Shahinyan A. K. On Some Features of the Early Medieval Armenian Biblical Exegesis in the “Teachings of St. Grigor”. *Bulletin of the Russian Christian Academy of Humanities*. 2016. Vol. 17. 2. P. 25–39. In Russian.
- Manukyan 2015 – Manukyan S. Armenian Iconography in Romania. *Collection of Articles in Honor of the 90th Anniversary of Academician Levon Hakhverdyan. Conference Proceedings*. Yerevan, 2015. P. 33–45. In Armenian.
- Melik-Ogandzhanyan 1934 – Melik-Ogandzhanyan K. Iranian Mythological and Epic Motifs Sung by Ferdowsi in the Works of Agathangelos and Buzand. *Ferdowsi. Collection of Articles Dedicated to the 1000th Anniversary of the Poet*. Yerevan, 1934. P. 3–116. In Armenian.
- Nevskaya 1983 – Nevskaya L. G. Tautology as One of the Ways of Organizing Folklore Text. *Text: Semantics and Structure*. Ed. by T. V. Tsiviyan. Moscow, 1983. P. 192–197. In Russian.
- Petrosyan 1975 – Petrosyan Yeznik. Celebrated Local Saints of the Armenian Church. *Echmiadzin*. 1975. 9. P. 33–48. In Armenian.
- Simyan 2009 – Simyan T. S. The Motive of Illness and Healing in the Literature of the Middle Ages and the Renaissance (Hartmann von Aue – Boccaccio – Rabelais). *Jivelegov's Readings*. Is. A. Part II. Yerevan, 2009. P. 261–275. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/simyan-motiv-bolezni-i-vrachevaniya.htm>. In Russian.
- Strzygowski 1918 – Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa: Ergebnisse einer vom Kunsthistorischen Institute der Universität Wien 1913. Wien, 1918. URL: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/strzygowski1918bd2/0269>.
- Zolyan 2002 – Zolyan S. From Myth to History (Twin Myth and Plot Organization of “History of Armenia” by Agathangelos-Agafangel). *Context-2002. Collection of Articles*. Yerevan, 2002. P. 17–22. In Russian.

Материал поступил в редакцию 10.09.2020,
принят к публикации 19.10.2020

Для цитирования:

Симян Т. С. Мотив врачевания болезни и его визуализация на примере «Истории Армении» Агатангелоса // Визуальная теология. 2020. № 2. С. 124–143. DOI: <https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-2-124-143>.

For citation:

Simyan T. S. The Motive of Healing an Illness and Its Visualization on the Example of the “History of Armenia” by Agathangelos. *Journal of Visual Theology*. 2020. 2. P. 124–143. DOI: <https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-2-124-143>.